

stereotypes of each concrete historical identity carries out the determinative impact on every sphere of human life and society.

Keywords: identity, philosophical level, value-criteria basis, semantic hierarchy, image of a man, correlation, conceptual sequence.

Егунов Н. В., научный сотрудник отдела качества образования, Институт высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины (Украина, Киев), uvarkina@rambler.ru

Содержательные параметры идентичности как средоточие концептуальных противостояний

Ценностно-критериальную основу как индивидуального, так и массового мировоззренческого формата современности образует представление об идентичности. Совокупность и иерархия элементов любой картины мира преобразуется в соответствии с социокультурными приоритетами конкретно-исторического общества. В то же время стереотипизм каждого конкретно-исторического уровня идентичности осуществляет обратное детерминативное влияние на каждую сферу жизнедеятельности человека и общества.

Ключевые слова: идентичность, мировоззренческий уровень, ценностно-критериальная основа, содержательная иерархия, образ человека, корреляция, концептуальная последовательность.

* * *

УДК 111.7

Касьянов Д. В., кандидат философских наук, соискатель, Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова (Украина, Киев), gileya.org.ua@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЛНЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Рассматривается история развития человечества в контексте волновой интерпретации его исторического развития. Анализируются аграрная, индустриальная, информационная и ноосферная волны развития. Подчеркивается, что если состояние устойчивого развития рассматривать как необходимость развития процесса, что приводит к реализации принципа коэволюции или эпохи ноосферы, то на этом направлении человечеству еще предстоит пройти долгий и тернистый путь, наполненный вызовами планетарного масштаба. К этим вызовам общество должно быть готовым, и не следует заменять реальность упрощениями и опасными иллюзиями.

Ключевые слова: человек, общество, цивилизация, развитие, историческая волна.

(статья друкється мовою оригіналу)

Для познания истории человечества во всем ее разнообразии, для лучшего осмысления современного ее состояния, философы пришли к выводу, что лучше всего рассматривать эту историю не только как процесс саморазвития и взаимодействия отдельных, созависимых в пространстве и времени восточной и западной цивилизаций, но и учитывая исторические волны цивилизационного развития человечества. Как отмечают Олвин и Хейди Тоффлеры, метафора «история как волны перемен» является более динамичной и показательной для воспроизведения развития цивилизаций. «Волны динамические, поэтому при их столкновении происходят мощные переходные процессы; когда же сталкиваются волны истории, возникает конфликт цивилизаций. Это проливает свет на многие вещи, которые при других обстоятельствах сдаются в современном мире лишены смысла или случайными».

Волновая теория конфликтов предвещает, что основной конфликт произойдет не между Востоком и Западом или «между Западом и другими», как недавно предположил С. Хантингтон. Не будет этот конфликт и падением Америки, как заявил Поль Кеннеди, или

«концом истории», по выражению Ф. Фукуямы. Общие глубокие экономические и стратегические изменения приведут к разделению мира на три отдельные, потенциально конфликтные цивилизации, которые нельзя характеризовать традиционными определениями» [11, с. 7]. Досягая своими истоками доаграрного образа жизни человечества, исторические волны подняли его цивилизационное развитие сначала к аграрному типу прогресса, который сменила индустриальная эпоха, на смену которой пришел постиндустриальный подъем, который оказался основой для формирования информационного общества и ноообщества.

За последние три века широко распространилась классификация всемирных цивилизаций по доминирующим экономическим признакам, прежде всего, таким как вид производства, характер труда, ведущий тип собственности. Вместе с тем цивилизации присущи не только экономические, но и культурные, социальные и другие признаки. Такой подход позволяет сформировать представление о доцивилизационном развитии сквозь призму доаграрного общества, на основе которого зародилась первая историческая волна цивилизации.

Культура первобытного общества разделяется на каменный (палеолит, мезолит, неолит), бронзовый и ранний железный века. Наиболее важными чертами первобытной эпохи были переход от присваивающего к воспроизводящему хозяйству, существование рода как хозяйственной единицы, который делился на большие семейные производственные коллективы, общины общей собственности на землю.

Доаграрному образу жизни человечества присуще утверждение различных отраслей производящего хозяйства. Пашню обрабатывали деревянной мотыгой с каменным или костяным наконечником, позже – сохой. Зерно в муку мололи каменными жерновами. Хлеб жали костяными или кремневыми серпами. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свиней. Развивалось общинное ремесло. Использовался первый искусственный материал – керамика. Сохранилось немало кирпичной посуды, выжженной из глины, украшенной черным, белым и желтым орнаментами, женские статуэтки предков. Для ежедневного потребления использовали миски, нерасписные горшки серого цвета. Зародилось прядение и ткачество, появился ткацкий станок. В неолите окончательно завершилось формирование техники обработки камня (шлифование, пиление, сверление), усовершенствовались лук и стрелы, появились каменные топоры. Возник наземный транспорт – лыжи, воз, сани, волокуша. Скот использовали как тяговую силу. Следствием неолитной революции стала достаточно развитая система обмена.

Все это подготовило цивилизацию первой волны, которая была тесно связана с землей. «Какой бы локальной формы она ни принимала, на каком бы языке не разговаривали люди, какой бы ни была их религия – все это результат аграрной революции. Даже сейчас множество людей живут и умирают, копаясь в неплодородной почве, так, как это делали их предки» [11, с. 7].

Типичными признаками аграрной цивилизации были земля как ведущий тип собственности, натуральный тип хозяйства, неразвитость средств производства, наличие части ручного труда, низкая мобильность рабочей силы (попытки любыми мерами закрепить рабочих на земле,

на которой они работали – рабство, крепостничество, феодальная власть), особенно в ранние времена – небольшой процент наемного труда (работники вместе со средствами производства принадлежат владельцу земли).

По временным параметрам аграрная цивилизация длилась дольше среди других – от неолитной революции (IV–III тыс. до н.э.) до продуцирующего хозяйства. Сельское хозяйство, которое традиционно делилось на полеводство, огородничество, садоводство, животноводство, было господствующей формой европейской экономики вплоть до XV в. Его эволюция тесно связана с развитием феодальных отношений. В сельском хозяйстве было занято почти все население сначала античных, а затем и средневековых государств. Ремесленничество и торговля занимали довольно незначительное место во внутреннем валовом продукте страны аграрной цивилизации. Важная роль в обеспечении прожиточного минимума населения принадлежала сельским промыслам: охоте, рыболовству.

В XI–XV вв. сельское хозяйство медленно прогрессировало в связи с освоением новых земель, усовершенствованием орудий труда и системы земледелия, повышением производственного опыта крестьян. Это обусловлено завершением процесса феодализации, ростом городов, которые стали постоянным рынком сбыта продуктов питания и сырья, развитием товарного производства. Важное значение имело улучшение демографической ситуации в XI–XIII вв.

Поскольку феодальное хозяйство в своем развитии прошло три стадии – раннюю, развитую и позднюю, то и в соответствии с этим происходило поэтапный подъем ремесла. На ранней стадии господствовало натуральное хозяйство. Производители преимущественно удовлетворяли собственные потребности и потребности своего феодала. Экономическая деятельность людей проявлялась в синтезе ремесла и сельского хозяйства, которому принадлежала ведущая роль. Интенсивное развитие ремесла в XII–XIII вв. сформировало цеховой строй в городах, в которых постепенно сложилась иерархия вроде сельской общины.

В XIV–XV вв. в Европе возникла новая, высшая форма производства – мануфактура. На смену кустарям-ремесленникам пришли более организованные большие рабочие мастерские. В процессе мануфактурного производства произошло разделение труда, которое позволило значительно увеличить выпуск товаров, улучшить их качество. Главной фигурой производства стал наемный рабочий. Интенсивное развитие сельского хозяйства, промышленности, торговли, денежного обращения, банковского дела, кредита, свидетельствует, что в странах Западной Европы появились ростки нового, более прогрессивного производства.

Но, несмотря на указанные радикальные изменения в жизни средневековой Европы, «время появления цивилизации Второй Волны дискуссионное. Для многих людей жизнь радикально изменилась примерно триста лет назад. В эту пору появилась ньютоновская наука, паровой двигатель был впервые использован с экономической целью, а в Англии, Франции и Италии начали появляться первые фабрики. Крестьяне стали переезжать в города. Начали распространяться смелые идеи: идея прогресса, доктрина личных прав, руссоистские понятия об общественном соглашении, идея отделения школы от церкви, отделения церкви от государства и новая

идея о том, что руководители должны выбираться общественностью, а не волей Божьей.

Движущей силой многих из этих изменений стал новый способ обогащения – фабричное производство. Задолго до этого множество элементов должны были соединиться и сформировать систему массового производства, потребления, массового образования и средств информации. Их обслуживали специализированные институты: школы, корпорации, политические партии. Изменилась даже структура семьи: из большой семьи, которая совместно занимается домашним хозяйством аграрного типа, семьи, объединяющей несколько поколений, она превратилась в небольшую семью нового типа, типичную для индустриального общества [11, с. 9].

Как отмечал Э. Геллнер, «индустриальное общество – это единое общество, само существование которого основано на прочном и непрерывном росте, на непрерывном и ожидаемом совершенствовании. Неудивительно, что это было первое общество, которое изобрело идею и идеал прогресса, постоянного движения вперед. Приемлемый способ общественного контроля в обществе – сплошной подкуп, гарантия материального благосостояния за отказ от социальной агрессии; наибольшая его слабость – неспособность пережить любое временное уменьшение фонда социального подкупа и потерю законности, которая наступает, когда рог изобилия временно пустует и поток прекращается. Многие общества прошлого иногда изобретали и внедряли что-то новое, самосовершенствуясь таким образом; иногда нововведения приходили не как отдельные разведчики, а целыми батальонами. Однако такое усовершенствование никогда не было постоянным, и этого, собственно, никто и не ожидал» [3, с. 38].

Для индустриального общества характерны развитая и сложная система разделения труда в условиях его специализации, массовое производство товаров для широкого потребления, механизация и автоматизация производства и управления, научно-техническая революция. Следствием развертывания этих процессов является индустриализация, развитая система средств транспорта и коммуникаций, высокая степень мобильности населения и урбанизации, качественные сдвиги в структурах национального потребления, конституционная демократия, верховенство закона и принцип суверенитета национальных государств и т.п.

Все эти процессы очень тесно переплетаются и зависят друг от друга. В частности, урбанизация – переселение людей в города и распространение городских ценностей жизни – является неотъемлемым спутником другого процесса – индустриализации. Последняя оказывается применением научных знаний к промышленной технологии, открытием новых источников энергии, которые делают возможным крупное машинное производство. Индустриализация требует все более и более подготовленных работников, что обусловлено постоянным ростом сложности технологии. В индустриальном обществе место работы отделяется от места проживания: в отличие от ремесленника рабочий каждое утро покидает свой дом и отправляется в городском транспорте на работу. В обществе основная часть населения трудится в промышленности, а живет в городе. Если в доиндустриальном обществе города играли важную, но не самодостаточную роль, то в индустриальном они

стали играть главную роль. Разделение труда расширило круг видов экономической деятельности. Вместо нескольких десятков специальностей доиндустриального общества появились тысячи и десятки тысяч профессий, большинство из которых были неизвестны аграрному обществу. К тому же скорость, с которой на смену старым профессиям приходили новые, возросла в десятки раз. В индустриальном обществе более половины населения занято промышленным трудом, престиж которого постоянно растет.

В 60–90-х годах XX в. в мировой экономике появились такие сдвиги, которые позволили ее исследователям утверждать о приходе постиндустриального общества. В 1960–1970-х гг. появляются концепции структурных сдвигов (К. Кларк, Ж. Фурастье и др.); конец 1970–1980 гг. – концепции структурных сдвигов включаются в теории постиндустриального общества как их составной элемент (Д. Белл, П. Друкер и др.); конец 1980–1990 гг. – концепции структурных сдвигов продолжают оставаться составным элементом теорий постиндустриального, информационного общества, общества знаний (Р. Кроуфорд, В. Хадсон и др.) [8, с. 135–136].

Основные методологические принципы теории постиндустриального общества были разработаны Д. Беллом, который выделяет три стадии развития экономической деятельности общества – доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. В доиндустриальном обществе экономическая деятельность субъектов хозяйствования сосредоточивается преимущественно в добывающих отраслях и сельском хозяйстве. Индустриальное общество характеризуется массовым производством товаров и преимуществом класса промышленных рабочих, тогда как в постиндустриальном обществе доминирующая роль принадлежит высококвалифицированным специалистам. Переход от индустриального к постиндустриальному обществу, по мнению Д. Белла, проходит несколько этапов. На первом – развитие промышленности способствует экспансии экономической деятельности на транспорте и в сфере услуг, связанных с движением товаров. Второй этап характеризуется расширением экономической деятельности в сфере оптовой и розничной торговли, финансов, операций с недвижимостью и страховании в условиях массового потребления благ. На третьем этапе рост национального дохода сопровождается снижением доли расходов на питание; остаток высвобождаемого направляется сначала на приобретение товаров длительного пользования, а затем – предметов роскоши, на отдых и потребление различных услуг. Д. Белл также дополняет трехсекторную модель экономической деятельности общества еще двумя – «четвертичным» и «пятеричным», отражающих этапы перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Согласно этой модели экономическая деятельность в сфере услуг осуществляется в трех секторах: «третичном», к которому принадлежит экономическая деятельность на транспорте и в коммунальном хозяйстве, «четвертичным» – в торговле, страховании, операциях с недвижимостью, предоставлении финансовых услуг, а «пятеричный» содержит экономическую деятельность в сфере здравоохранения, образования, исследовательской деятельности, государственного управления, отдыха [1, с. 158].

Теория постиндустриального общества вобрала в себя лучшие элементы научной традиции эпохи Просвещения. Ее сторонники стремились подчеркнуть, что залогом современного общественного прогресса служит быстрое технологическое развитие, основанное на превращении науки в непосредственную производительную силу, а мерой такого прогресса является становление всесторонне развитой личности и расширение творческих возможностей человека. Как гуманистическая по своей природе теория, концепция постиндустриального общества не акцентировала внимания на политическом разделении мира. «...Теория постиндустриального общества стала фактически единственной социологической концепцией XX века, в полной мере подтвержденной исторической практикой. Как и было предусмотрено ее создателями, общество массового потребления активизировало сервисную экономику, а в ее рамках наиболее быстрыми темпами стал развиваться информационный сектор хозяйства. Западные общества, находившиеся в момент становления основ этой концепции в глубоком кризисе, вновь восстановили свой статус лидеров мирового развития, одержав убедительную победу над стагнирующими индустриальными государствами. Социалистическая система, которая сосредоточилась на экспансии массового производства и оказалась не в состоянии использовать человеческий потенциал как важнейший источник развития производительных сил, распалась, погрузив народы стран, входивших в нее, в глубокую хозяйственную деградацию. Экологическая ситуация, казавшаяся критической в 70-е годы, радикально изменилась под воздействием ресурсо- и энергосберегающих технологий. Кризис сбыта, который социалисты считали неизбежным следствием буржуазного типа производства, сегодня фактически преодолен под влиянием формирующегося информационного сектора хозяйства, а пролетариат, призванный разрушить капиталистическое общество, все более откровенно становится лишь малозаметным социальным слоем, который приобретает зримые черты реакционности» [5, с. 11–12].

В понимание природы цивилизации конца XX – начале XXI в. вмешались теоретики постмодернизма, среди которых особого внимания заслуживают идеи Ж. Бодрийяра. По его мнению, в постиндустриальную эпоху процессы производства и потребления приобретают характер «дискурса», или знаковой манипуляции. Система вещей, труд предстают как «знаки реального», кодирующие императив социальной интеграции в ситуации «потери» самой социальной реальности [2, с. 164]. Эти констатации Ж. Бодрийяра можно интерпретировать как описание одного из аспектов процесса виртуализации общества. Как отмечает Д. Иванов, «виртуализация общества – радикальная трансформация способа существования Западной цивилизации. Процесс модернизации как реализации ценностей, суть которых в расположении и обеспеченности сущим, выливается в процесс реификации, овеществления общества, то есть отношения между людьми принимают форму отношений между вещами. Реализация ценностей превращает человека в функциональный элемент и ресурс общества, а социальные институты – в автономную реальность. Когда процесс модернизации–материализации приходит к своему логическому завершению, ценности перестают быть

аутентичной реальностью, тем «референтом», по которому артефакты и социальные технологии являются «знаками». «Знаки» не обмениваются больше на «означаемое», они замкнуты сами на себе. Самоподдержание социальной системы продолжается как симуляция, скрывающая отсутствие «глубинной реальности», под которой четко подразумевается ценностная картина мира эпохи Модерн. Так называемые подсистемы общества – политика, экономика, наука, культура – ценностные ориентации эпохи Модерн, рубрики привязанности и обеспеченности. Поэтому, когда ценности реализованы и теряют актуальность, то, что считается социальной структурой, социальной реальностью *sui generis*, теряет устойчивость и определенность. Налицо процесс дематериализации: сущность человека отчуждается не в социальную, а в виртуальную реальность, где человек имеет дело не с вещью (имеющимся), а с симуляцией (изображаемым): социальные институты, которые возникли как следствие материализации, теряя свою власть над индивидом, становятся образом, что включается в игру. Институциональный строй общества симулируется, а не ликвидируется, потому что он, сохраняя атрибутику реальности, служит своеобразной виртуальной операционной средой, открытой для входа / выхода, в которой удобно создавать и демонстрировать образы. Так же операционная система Windows сохраняет атрибутику реальности, симулируя на экране монитора нажатие кнопок калькулятора или размещение карточек каталога в ящике. Сохраняется образ тех вещей, от которых собственно и извлекает применение компьютерной технологии» [4, с. 134].

Один из современных исследователей информационной эпохи М. Кастельс считает, что человечество переживает сегодня информационно-технологическую революцию, за которой последует формирование «сетевого общества». С помощью Интернета, который является центральным звеном этих трансформаций, формируется культура виртуальной реальности. М. Кастельс отмечает, что местности теряют свое культурное, историческое, географическое значение и реинтегрируются в функциональные сети или в образные коллажи, оживляя пространство потоков, заменяющее пространство мест. Время – прошлое, настоящее, будущее – можно программировать так, чтобы оно взаимодействовали друг с другом. Это культура реальной виртуальности, где вымышленный мир является выдумкой в процессе ее создания [6, с. 193]. То есть, глобальная цивилизация «отрывает» человека от традиционных культурно-исторических основ, «переносит» его в мир квазикультуры, что является одним из главных противоречий между информационной и региональной цивилизацией.

Итак, в современном мире «сформировалась глобальная цивилизация, основой которой является информация, знания и высокий уровень развития технологий. По нашему мнению, не следует отождествлять глобальную цивилизацию с западной цивилизацией, поскольку первая система охватывает не только христианские, но и мусульманские и буддистско-конфуцианские страны. Например, Япония, Китай, Сингапур, в определенной степени Индия являются активными «игроками» в рамках глобальной цивилизации, и их роль постоянно возрастает. Но «западность» глобальной цивилизации связана с тем,

что ее первичными центрами остаются США и Европа. Можно констатировать, что глобальная цивилизация является не механической суммой государств, а чем-то более значительным, например, взаимосвязанным экономическим организмом, или единственным информационно-технологическим пространством» [10, с. 43].

Концепция информационного общества раскрыла принципиально важную черту постиндустриального общества и обогатила его понимание, открыла свойства информации и ее возрастающую роль в жизни общества. Однако она еще не могла претендовать на всеобъемлющую характеристику нового социума. Поэтому, многие исследователи считают ее лишь достаточно важной составляющей теории постиндустриализма. Как отмечает К. Корсак, «наибольшим двигателем общественно-цивилизационного развития было развитие технологий и наук, а не активность «исторических лиц», «пассионарность племен» или «борьба классов». Поразительно то, как быстро индустриальное общество прошло свой «жизненный цикл» – чуть более 300 лет (с момента появления паровой машины до начала XXI в.). Очевидно, что социум будущего (возможные названия – «нано – или «ноообщество») только начинает рождаться на наших глазах, поэтому его характеристики довольно дискуссионные и неопределенные.

На наш взгляд – главной чертой современности является ускорение движения всех народов и государств «ступенями» доаграрного – аграрного – индустриального – ноообщества» [7, с. 79]. Итак, будущее – «за настоящими нанотехнологиями», среди которых прежде всего – «нано-, пико- и фемтотехнологии. «Очень целесообразно обозначить их термином «квантовые технологии», а для названия общества будущего использовать какой-то из терминов «нанообщество», «квантово-технологическое общество» и др. Но все они имеют принципиальный недостаток – слишком малую распространенность в обществе, ведь углубленные знания квантовых наук получает очень малый процент студентов. А вот термин «ноосфера Вернадского» как пространство мудрой деятельности человечества уже достаточно популярен и воспринимается общественностью и создателями СМИ без каких-либо искажений или ошибок» [7, с. 84].

В то же время описанные современной наукой особенности новейшего этапа эволюции окружающей среды и общества имеют уже сейчас ряд негативных социальных последствий. По мнению М. Моисеева, «с особой остротой в последние годы возникают проблемы стратификации уровней жизни. Это, прежде всего, так называемые проблемы «Север – Юг». Они принципиально неразрешимые в рамках современного общественного сознания, современного образа мышления и современного устройства планетарного сообщества. Я бы еще добавил – современных цивилизационных парадигм... Действительность неизмеримо сложнее и опаснее. Политические последствия экологического кризиса куда глубже, чем это может представить общественность... Если же состояние устойчивого развития понимать не в том примитивном смысле, как его понимают политики и экономисты, а как другое словесное выражение необходимости развития процесса, что приводит однажды к реализации принципа коэволюции или эпохи

ноосфери..., то следует честно сказать, что на этом направлении человечеству еще предстоит пройти долгий и тернистый путь, наполненный трагедиями планетарного масштаба. К этому обществу должно быть готовым, и мы не имеем права заменять реальность упрощенными и опасными иллюзиями. Этот путь будет совсем не похож на устойчивое развитие» [9, с. 24–25].

Список использованных источников

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Изд-во «Academia», 1999. – 956 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Логос, 1995. – 215 с.
3. Гелнер Е. Нации та націоналізм; Националізм: Пер. з англ. – К.: Таксон, 2003. – 300 с.
4. Иванов Д. В. Постиндустриализм и виртуализация экономики // Журнал социологии и социальной антропологии. – М., 1998. – Т. I. – Вып. 1. – С. 134.
5. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: Логос, 2000. – 196 с.
6. Кастельс М., Химанен П. Информационное общество та держава добробуту. Фінська модель. – К.: Ваклер, 2006. – 332 с.
7. Корсак К. В. Економіка і лідерство в науках: минуле, сучасне, майбутнє // Науковий вісник ЧДІЕУ, 2010. – №1. – С. 76–85.
8. Леоненко П. М., Черепніна О. І. Сучасні економічні системи: навч. посіб. – К.: Знання, 2006. – 429 с.
9. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. – 1995. – №1. – С. 3–30.
10. Скотна Н. В. Глобальні, регіональні й локальні цивілізації // Мультиверсум. Філософський альманах. – К.: Центр духовної культури, 2005. – №47. – С. 43.
11. Тоффлері, Олвін і Гейді. Створення нової цивілізації. Політика третьої хвилі // 2000. – №19. – С. 7–11.

References

1. Bell D. Grijadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya. – M.: Izd-vo «Academia», 1999. – 956 s.
2. Bodrijar Zh. Sistema veshhej. – M.: Logos, 1995. – 215 s.
3. G'elner E. Natsii ta nacionalizm; Nacionalizm: Per. z angl. – K.: Takson, 2003. – 300 s.
4. Ivanov D. V. Postindustrializm i virtualizacija jekonomiki // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. – M., 1998. – T. I. – Vyp. 1. – S. 134.
5. Inozemcev V. L. Sovremennoe postindustrial'noe obshhestvo: priroda, protivorechija, perspektivy. – M.: Logos, 2000. – 196 s.
6. Kastel's M., Himanen P. Informacijne suspil'stvo ta derzhava dobrobutu. Fins'ka model'. – K.: Vakler, 2006. – 332 s.
7. Korsak K. V. Ekonomika i liderstvo v naukah: mynule, suchasne, majbutnje // Naukovyj visnyk ChDIEU, 2010. – №1. – S. 76–85.
8. Leonenko P. M., Cherepnina O. I. Suchasni ekonomichni systemy: navch. posib. – K.: Znannja, 2006. – 429 s.
9. Moiseev N. N. Sovremennij antropogenez civilizacionnye razlomy. Jekologo-politologicheskij analiz // Voprosy filosofii. – 1995. – №1. – S. 3–30.
10. Skotna N. V. Global'ni, regional'ni j lokal'ni cyvilizacii // Mul'tyversum. Filosofsk'kyj al'manah. – K.: Centr duhovnoi kul'tury, 2005. – №47. – S. 43.
11. Tofflery, Olvin i Gejdi. Stvorennja novoi' cyvilizacii'. Polityka tret'oi' hvyli // 2000. – №19. – S. 7–11.

Kasyanov D. V., candidate of philosophical sciences, applicant, National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine, Kyiv), gileya.org.ua@gmail.com

Historical waves of civilization of mankind

The article reviews the development of humanity in the context of the wave interpretation of its historical development. It is analyzed agrarian, industrial, informational and noosphere waves of development. It is emphasized that if the state of sustainable development seen as the need to develop a process that leads to the implementation of the principle of co-evolution or the age of the noosphere, the humanity in this area still have a long and bumpy ride filled with challenges of global scale. These challenges society has to be prepared, and one should not replace reality with simplistic and dangerous illusions.

Keywords: human, society, civilization, development, historical wave.

Касьянов Д. В., кандидат философских наук, здобувач, Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ), gileya.org.ua@gmail.com

Історичні хвилі цивілізаційного розвитку людства

Розглядається історія розвитку людства в контексті хвильової інтерпретації його історичного розвитку. Аналізуються аграрна, індустріальна, інформаційна та ноосферна хвилі розвитку. Підкреслюється, що якщо стан сталого розвитку розглядати як необхідність розвитку процесу, що призводить до реалізації принципу коєволюції чи епохи ноосфери, то на цьому напрямку людству ще належить пройти довгий і тернистий шлях, наповнений викликами планетарного масштабу. До цих викликів суспільство має бути готовим, і не варто замінювати реальність спрощеними і небезпечними ілюзіями.

Ключові слова: людина, суспільство, цивілізація, розвиток, історична хвиля.

УДК 111.7:130.12:165.4

Киселиця С. В., кандидат философских наук, доцент кафедри філософії та соціально-гуманітарних дисциплін, Чернігівський національний технологічний університет (Україна, Чернігів), ksvim37@gmail.com

Мудрість віри як цілісність людського буття

Аналізується феномен віри, що розглядається як мудрий, продуктивний вихід за межі проблемної життєвої ситуації і є символом внутрішньої сили, а відчай – замкненість в її межах та символ антропологічної занедбаності. У такому контексті віра виявляється особливою ідеалізуючою діяльністю, що гармонізує наявну, реальну екзистенцію та уявну, ідеальну трансценденцію.

У роботі аналізуються онтологічні виміри віри, її кореляція з екзистенціалами відчаю та сумніву. Надія, впевненість з одного боку і роззубленість, страх – з іншого, відображають протилежні світоглядні настанови, що формують оптимістичний та песимістичний способи людського існування.

Автором вводиться поняття «віротворення» для означення конструктивної духовної здатності людини. Мудрість віри усвідомлюється як трансцендування за межі теперішнього у неповторне минуле і невизначене майбутнє через аксіологічне та логічне моделювання цілісного людського буття.

Ключові слова: віра, віротворення, відчай, екзистенціал, мудрість, сумнів.

В останні десятиліття актуалізується необхідність осмислення феномену віри та її значення у житті людини – колізії останнього століття піддають сумніву віру у майбутнє, породжують маргінальне світосприйняття та майже інстинктивний жах перед безоднею смерті. Самосвідомість сучасної людини все частіше демонструє антропологічну невпевненість, методологічну занедбаність, пізнавальний скепсис, морально-правовий розпач, соціальну апатію, творчу нереалізованість, культурну невизначеність. Очевидно, подолання цих деструктивних станів є неможливим поза мудрістю віри, яка цілокупно з надією та любов'ю видається чи не єдиною життєствердною альтернативою.

Відтак, актуальність теми спричинена необхідністю визначення мудрісного потенціалу віри, що є її сутнісною характеристикою, пошуком оптимальних способів проникнення у глибинні прошарки свідомості з метою як особистого ошасливлення, так і гуманізації культурно-антропологічного простору. Онтологічний погляд на зазначену проблематику передбачає переосмислення засадничих принципів буття-у-вірі, серед яких: прояснення віри як специфічно людського способу буття задля гармонізації трансцендентного та екзистенціального світів [3].

Сучасна мисляча громадськість особливо стурбована проблемами одухотворення культурно-антропологічного простору. Актуалізація пошуку розумного компромісу